

Наш перевод, вперёд лети! В лакуне остановка

Д.И. Ермолович

– Александр Анатольевич, где мы с вами только не были!

– И правда, Михаил Михайлович! В Париже – не были, в Лондоне – не были, в Риме – тоже не были...

(Из комедийной миниатюры актёров А. Ширвиндта и М. Державина)

Исхитрись-ка мне добыть То-Чаво-Не-Может-Быть!
Запиши себе название, чтобы в спешке не забыть.

(Л. Филатов. Про Федота-стрельца, удалого молодца)

Понятие и термин *лакуна* занимают сегодня одно из центральных мест в сопоставительной культурологии и теории межкультурной коммуникации. Появилась даже специальная ветвь этих дисциплин, изучающая лакуны, – лакунология.

Разные авторы по-разному определяют понятие лакуны. Изначально многие трактовали лакуну достаточно просто: как отсутствие в одном из сопоставляемых языков устойчивого наименования для понятия, имеющего лексическое обозначение в другом языке. Однако сегодня налицо тенденция к значительно более широкой трактовке лакун. Под ними могут подразумеваться любые «несоответствия, возникающие при сопоставлении понятийных, языковых и эмотивных категорий двух локальных культур» (В.И. Жельвис, И.Ю. Марковина) или даже «всё, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации» (Ю.А. Сорокин, И.Ю. Марковина) [цит. по: З. С. 37, 39].

Такой широкий подход к лакунам потребовал классификации этого ёмкого явления. Культурологи и этнолингвисты выделили и исследуют огромное количество категорий и видов лакун: языковые и этнографические; межъязыковые и внутриязыковые; уникальные и частные; абсолютные и относительные; системные и личностные; гиперонимические и гипонимические; мотивированные и немотивированные; лексические, грамматические и стилистические; частеречные и формообразовательные; векторные и многие, многие другие.

Все эти категории перечислены здесь не для того, чтобы углубляться в детали их классификации, а чтобы продемонстрировать, как бурно развивается лакунология в наше время. В этих условиях вполне логичным должно бы показаться следующее высказывание Ю.А. Сорокина:

«В настоящее время о взаимодополнительности лакунологии и переводоведения можно, очевидно, и не говорить. Но все же именно от первой следует ожидать продуктивных импульсов для решения переводоведческих проблем» [22. С. 6].

Существует, впрочем, и иная точка зрения:

«В отечественной лингвистике имеются разрозненные исследования лакунарности, нет единой точки зрения на данный феномен... Глубже данное явление изучалось в теории перевода и обучении иностранным языкам» [5. С. 21].

Прочитав это, я, как переводовед, не смог не задуматься над тем, какова же реальная ситуация в отношениях лакунологии и нашей науки. Мне кажется, что об этих отношениях поговорить всё-таки имеет смысл. У меня почему-то нет ощущения, что теория перевода воспринимает какие-то значительные импульсы от лакунологии для решения своих проблем и особенно для целей обучения переводу. С другой стороны, трудно согласиться и с утверждением, будто теория перевода глубже других отраслей науки изучала феномен «лакунарности». Более того, забегая вперёд, скажу, что теоретики и педагоги-

переводоведы вообще редко оперируют понятием лакуны. Может быть, это упущение с их стороны? А может, у этого факта есть какие-то объективные причины?

Попробуем в этом разобраться и начнём, как подобает, с классиков.

Классика в полчаса

Русский термин *лакуна* (в интересующем нас значении) является транспозицией французского термина *lacune*, введённого в научный оборот в конце 1950-х – начале 1960-х годов французскими лингвистами Ж.-П. Винэ и Ж. Дарбельне [30] и А. Мальбланом [29]. Выражение «сопоставительная стилистика», использованное в названиях их трудов, далеко не в полной мере отвечает характеру этих работ. Во-первых, там освещаются отнюдь не только стилистические, но также лексические и грамматические вопросы. Во-вторых, в значительной мере это – труды в области частной теории перевода, предназначенные для обучения переводчиков, о чём говорит и подзаголовок книги Винэ и Дарбельне: *Méthode de traduction* (что, на мой взгляд, корректнее понимать не в смысле «методика перевода» – “a methodology for translation”, как сформулирован подзаголовок в англоязычной версии книги, выпущенной издательством «Бенджаминс», – а как «учебник перевода» или «пособие по переводу»).

Неудивительно, что учение о лакунах стали развивать преимущественно те лингвисты русской (советской) школы, кто занимался изучением стилистики французского языка и его сопоставлением с русским (В.Л. Муравьев, Ю.С. Степанов, В.Г. Гак и др.). Однако сложилось так, что в дальнейшем лакунология в нашей стране разрабатывалась прежде всего в этнопсихологическом, этнолингвистическом и культурологическом аспектах.

Если говорить о западном языкознании, то там понятие лакуны с наибольшей готовностью было взято на вооружение французскими и франко-канадскими языковедами и – в скромных масштабах – учёными некоторых европейских стран. В англоязычных же странах (кроме Канады) идеи Винэ и Дарбельне остались практически незамеченными. Английский перевод «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» вышел лишь через 37 лет после публикации оригинала, и в предисловии к этому переводу с сожалением отмечается, что французский оригинал книги постигла участь почти всех научных изданий, выходящих не на английском языке: она осталась за пределами внимания англо-американских лингвистов.

В англоязычной науке термин *lacunology* получил совершенно иное значение, а именно: восстановление с помощью компьютерных технологий утраченных или нечитаемых мест (лакун) в древних рукописях. Когда на английском языке издаются научные статьи, посвящённые межкультурным лакунам (например, статьи немецких или финских учёных), для обозначения лакунологии как отрасли сопоставительной лингвокультурологии используется искусственно сконструированный и не очень благозвучный термин *lacunology* [28].

Посмотрим теперь, как обстояло дело в отечественном **переводоведении**. В нашей стране идею французских лингвистов ввести понятие лакуны в сопоставительные исследования первыми отметили И.И. Ревзин и В.Ю. Розенцвейг. Они лаконично сослались на А. Мальблана в одном из подстрочных примечаний в «Основах общего и машинного перевода» [19. С. 184]. (Интересный случай: без ссылки на это короткое, сделанное как бы мимоходом примечание не обходится ни один уважающий себя обзорный труд по лакунологии). Правда, французское *lacune* эти авторы перевели тогда не как *лакуна*, а как *пробел*.

Л.С. Бархударов ввёл в теорию перевода термин *случайная лакуна*. Он определил лакуны как «единицы словаря одного из языков, которым по каким-то причинам (не всегда понятным) нет соответствий в лексическом составе (в виде слов или устойчивых словосочетаний) другого языка» [2. С. 95]. В дальнейшем, говоря о лакунах в переводоведческом смысле, я буду иметь в виду именно определение Л.С. Бархударова.

Наиболее подробно понятие случайной лакуны Л.С. Бархударов иллюстрирует русским словом *сутки*, которое, по его словам, приходится передавать на английском языке описательно: либо как *twenty-four hours* (“24 часа”), либо как *day and night* (“день и ночь”). Среди других примеров лакун, которые, впрочем, приводятся без подробного анализа, Леонид Степанович называет русские существительные *кипяток, именинник, погорелец, пожарище* и английские слова *glimpse, flooger, exposure* (последнее в значении “подверженность воздействию сил природы”).

Всего в книге Л.С. Бархударова лакунам посвящено два абзаца.

Основоположником лингвистической теории перевода в нашей стране справедливо считается **А.В. Федоров**, чья книга «Введение в теорию перевода» вышла ещё в 1953 г., до публикации «сопоставительных стилистик» Винэ – Дарбельне и Мальблана. Однако переработанное издание этой книги, называвшееся уже «Основы общей теории перевода», увидело свет в 1968 г. Там есть глава о «так называемой безэквивалентной лексике», посвящённая главным образом национально-специфическим реалиям. Кроме них, автор упоминает о «словах, обозначающих общераспространённые вещи, действия, поступки, чувства, переживания и т.п.» и утверждает, что «невозможность или трудность их передачи может быть иллюстрирована относительно редкими примерами» [25. С. 135].

В качестве одной такой иллюстрации приводится замечание некоего английского критика начала XX века о сложности стилистически адекватной передачи русского слова *скучно* на английский язык в поэтическом тексте. Впрочем, А.В. Федоров тут же добавляет, что здесь речь идёт не об отсутствии смыслового соответствия, а лишь о несоответствии в эмоциональной окраске.

К словам, не имеющим русских лексических соответствий, автор причисляет некоторые термины, обозначающие абстрактные – философские, политические, эстетические и т.п. – понятия. Он рассказывает, какие трудности для писателей и переводчиков XVIII – начала XIX века представляли такие французские слова, как *absurdité, inertie, emblème, objet, enthousiasme, période, geste, libéralité, administratif, attribution*.

Из современных автору лексических единиц А.В. Федоров приводит в пример русские слова *идейность, партийность, закономерность*. В частности, если для последнего есть достаточно точное (и по смыслу, и даже по семантико-морфологическое структуре) соответствие в немецком языке – *Gesetzmäßigkeit*, то во французском (и, добавлю от себя, в английском) языке имеются лишь окказиональные и частичные соответствия этому слову [25. С. 137].

Все эти примеры (кроме, пожалуй, примера со словом *скучно*) во многом близки к той категории, которую Л.С. Бархударов называет случайными лакунами. Впрочем, А.В. Федоров термином *лакуна* не пользуется.

Я.И. Рецкер в своём основополагающем труде «Теория перевода и переводческая практика» [20], хотя и анализирует немало примеров с английскими словами, обладающими уникальной смысловой структурой (*mount, resentment, ruthless, wanton*), не выделяет такие слова в отдельную категорию. В «Учебном пособии по переводу с английского языка на русский» [21] он описывает похожее на случайные лакуны явление в разделе, посвящённом описательному переводу.

Среди приводимых им примеров – *eye-opener* “что-либо, открывающее человеку глаза на действительное положение вещей” (из словаря В.К. Мюллера), *outdoorsman* “любитель охоты и жизни на лоне природы” (этот описательный перевод даёт сам Я.И. Рецкер). Однако Яков Иосифович не проводит чёткого разграничения между подобными лексическими единицами и реалиями. Более того, он уделяет основное внимание именно реалиям, утверждая, что «в большинстве случаев отсутствие словарных... эквивалентов или вариантов соответствий наблюдается при переводе слов, обозначающих понятия и явления, чуждые нашей... действительности» [21. С. 24].

Таким образом, Я.И. Рецкер не рассматривает слова, подобные случайным лакунам Л.С. Бархударова, как отдельную категорию безэквивалентной лексики, значимую для пе-

ревода. Подчеркну и то, что он не использует самого термина *лакуна*, хотя книга Леонида Степановича – его ближайшего коллеги и заведующего той кафедрой, на которой работал Яков Иосифович, – была ему, конечно, известна в деталях.

В.Н. Комиссаров, выступивший примерно в те же годы с книгой «Слово о переводе» [12], также не оперирует ни понятием, ни термином *лакуна*. В вышедшей намного позднее книге «Теория перевода (лингвистические аспекты)» [13] он посвятил три параграфа безэквивалентной лексике. По мнению Вилена Наумовича, «безэквивалентная лексика обнаруживается, главным образом, среди неологизмов, среди слов, называющих специфические понятия и национальные реалии, и среди малоизвестных имен и названий, для которых приходится создавать окказиональные соответствия в процессе перевода. Таковы английские слова *conservationist, baby-sitter, backlog, etc.*» [13. С. 148].

Эти примеры – то немногое в трудах В.Н. Комиссарова, что можно считать как-то перекликающимся с понятием лакуны. Впрочем, случайные лакуны (как их понимал Л.С. Бархударов) не вписываются в такое определение безэквивалентной лексики, ибо они никак не подходят под рубрики «специфические понятия» или «малоизвестные имена и названия». Наоборот, случайная лакуна, по идее, должна относиться не к специфическому понятию, а к понятию, концептуально известному носителям языка перевода, но не имеющему в нем словарного обозначения.

Термин *лакуна* не встречается и в книге **А.Д. Швейцера** «Перевод и лингвистика» [26], хотя там есть примеры переводческих преобразований, вызванных отсутствием прямых лексических соответствий. В ряде случаев это связано с различиями в словообразовательных парадигмах слов. Например, у английских отглагольных существительных со значением деятеля – *spender; destroyer (of jobs), union-basher* – нет русских аналогов-существительных. Однако, обсуждая эти примеры с точки зрения ситуативной модели перевода и модели «смысл – текст», А.Д. Швейцер показывает, что данная проблема решается в переводе достаточно элементарными синтаксическими преобразованиями.

Правда, в другой его книге, вышедшей пятнадцать лет спустя [27], лакуны всё-таки упоминаются в разделе о переводческих трансформациях «на референциальном подуровне семантической эквивалентности». Александр Давыдович относит понятие лакун не только к лексическим единицам, но и к грамматическим формам и структурам. Однако термин *лакуна* он использует как нечто не нуждающееся в пояснениях. Этот термин возникает в его книге довольно внезапно, сразу вслед за рассуждениями о семантических трансформациях, вызываемых расхождениями в структуре семантических полей:

«Подобно тому как грамматические лакуны часто влекут за собой структурные трансформации при переводе, лексические лакуны вызывают необходимость в лексико-семантических трансформациях... Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков не является препятствием для переводимости... Вспомним известный пример семантической лакуны, приводимый Я.И. Рецкером. В английском языке существует антонимическая пара *inferiority – superiority*, из которой первое слово не имеет однословного соответствия в русском языке» [27. С. 126]. (Повторю, что сам Я.И. Рецкер термином *лакуна* не пользуется, а пример со словом *inferiority* приводится им при описании приёма антонимического перевода [20. С. 55]).

Нигде ранее о лакунах в книге А.Д. Швейцера не говорится.

В качестве других примеров лакун автор приводит русские слова *безобразник, чудак (чудака)*; далее он показывает, что содержащие их сообщения вполне поддаются адекватному переводу. К анализу этих примеров мы обратимся ниже, а здесь отметим лишь, что понятие лакуны Александр Давыдович никак не определяет и не анализирует по существу.

Работы болгарских переводоведов **С. Влахова** и **С. Флорина** написаны в русле советской школы теории перевода и заслуживают упоминания здесь наравне с классическими трудами отечественных авторов, тем более что их самый популярный в нашей стране труд – «Непереводимое в переводе» [6] – посвящён главным образом безэквивалентной лексике.

Своё отношение к понятию *лакуна* эти авторы формулируют на основе своего подхода к безэквивалентной лексике (БЭЛ) в целом. Термин *случайная лакуна* болгарские лингвисты считают неудачным (хотя и не поясняют, почему), но обозначаемую им категорию слов они признают, называя её *собственно безэквивалентной лексикой*, или *БЭЛ в узком смысле слова*. Ей даётся следующее определение: «единицы, не имеющие по тем или иным причинам лексических соответствий в ПЯ; обычно они также, подобно терминам, лишены коннотаций» [6. С. 43]. Впрочем, своё определение лакун, или собственно БЭЛ, С. Влахов и С. Флорин оставляют без какого бы то ни было развития: далее в книге нет примеров ни отдельных лакун, ни выдержек из текстов, которые бы их содержали.

Резюмируем то, что писали о лакунах основоположники отечественной теории перевода в период её становления, т.е. с 50-х до середины 70-х годов XX века. Л.С. Бархударов ввёл и определил термин *случайная лакуна*, его использовал (не давая собственного определения или анализа, но распространив и на грамматические формы) также А.Д. Швейцер. С. Влахов и С. Флорин предлагают для случайной лакуны иной термин и дают ей несколько иное определение, чем Л.С. Бархударов, но оставляют это явление без анализа и даже примеров. А.В. Федоров, Я.И. Рецкер и В.Н. Комиссаров термином *лакуна* не пользуются, хотя в их трудах можно найти некоторые примеры лексических единиц, которые могли бы быть зачислены в эту категорию.

Те из переводоведов-классиков, которые хоть что-то написали о лакунах, уделили этому вопросу довольно скромное место.

Что же писали о лакунах отечественные переводоведы в дальнейшем – то есть после 70-х годов XX века? В этой статье нет возможности дать даже краткий обзор переводоведческих работ за этот период. Однако если взять наиболее серьёзные монографические труды и учебники по теории перевода таких авторов, как Р.К. Миньяр-Белоручев [17], В.С. Виноградов [6], Н.К. Гарбовский [10], Л.К. Латышев и А.Л. Семенов [14], Е.В. Бреус [3], то мы увидим – несмотря на то внимание, которое во всех этих трудах уделяется вопросам лексической эквивалентности и безэквивалентной лексики, – что понятие и термин *лакуна* ни в одном из них не используются и категория слов, которые соответствовали бы определению Л.С. Бархударова, не анализируется.

Можно с достаточным основанием сказать, что после 70-х годов XX века явление лингвистических лакун (в том смысле, как его определил Л.С. Бархударов) перестало интересовать теоретиков перевода. Замечания о лакунах, сформулированные некоторыми из них треть века назад, остались без развития и практического применения, и почти никто не рассматривал их в критическом ключе. Тема как будто бы исчерпана, вопрос закрыт.

Повторю, что данное утверждение относится именно к монографическим трудам и учебникам, охватывающим комплексную проблематику теории перевода, а не к статьям или отдельным главам в трудах иного направления (например, культурологических), где описываются какие-то категории и случаи переводческих соответствий в терминах лакунологии.

Итак, в теории перевода и методике обучения переводу учение о лакунах оказалось засохшей ветвью. Очевидно, переводоведы не находят понятие *лакуна* столь же полезным для развития своей науки, как культурологи. Чтобы разобраться в том, почему это так, необходимо глубже вникнуть в то, как понятие лакуны соотносится с научным аппаратом теории перевода.

Найдите пять отличий

Переводоведение не может разделять столь же широкого подхода к понятию лакуны, какой вытекает из совокупности культурологических исследований. Будучи лингвистической дисциплиной, теория перевода рассматривает лакуны лишь как явление межъязыкового сопоставительного анализа лексических единиц. В культурологии это понятие распространяется, во-первых, не только на межъязыковые, но и на внутриязыковые контра-

сты (например, между литературным языком и диалектами или между различными эпохами в развитии языка), во-вторых, не только на лексические явления (например, на грамматические категории) и, в-третьих, также на невербальные феномены – поведенческие, бытовые, деятельностно-коммуникативные (например, жесты) и т.д.

В этом заключается **первое отличие** переводоведческого подхода к лакунам от культурологического, во многом вытекающее из самой природы этих дисциплин. В дальнейшем в настоящей статье обсуждаются исключительно межъязыковые лексические лакуны.

Далее, во многих культурологических трудах лакунарность трактуется как широкое свойство, которое фактически сводится к «непонятности, непривычности (экзотичности), чуждости (незнакомости)... предметов и явлений для реципиента» [11. С. 32]. В том же русле лежит уже цитированное в начале статьи определение лакун как «всего, что в инокультурном тексте реципиент не понимает, что является для него странным, требует интерпретации».

Однако в рамках теории перевода затруднительно определить лакуны на основе размытого критерия «непонятности» элементов текста и необходимости их интерпретации для реципиента. Прежде всего в этой формулировке слишком неконкретно использовано понятие «реципиент». Какой реципиент (получатель) имеется в виду? Владеющий иностранным языком или нет? Если речь идёт о получателе, владеющем иностранным языком (в том числе о переводчике), то степень понятности или непонятности чего-либо в иностранном тексте определяется в первую очередь глубиной знания языка этим реципиентом и, следовательно, может варьироваться в широких пределах. Способы расширения этих знаний есть вопрос теории и методики обучения иностранному языку и представляет для теории перевода и обучения собственно переводу лишь косвенный интерес. Кроме того, «непонятность» чего-либо может объясняться не только культурной или языковой спецификой элементов текста, но также пробелами в общей эрудиции или просто недостаточным проникновением получателя в речевой контекст. Никакое сообщение не описывает ситуацию исчерпывающим образом, а стремится экономно обозначить её, во многом опираясь на ту фоновую информацию, которая предполагается у адресата сообщения. Однако если предположение о владении такой фоновой информацией ошибочно или если сообщение направляется другому адресату с иными фоновыми знаниями, то вполне возможно недопонимание, требующее дополнительной интерпретации. Всё это делает «непонятность» слишком туманным критерием.

Если же реципиент ни в какой степени не владеет исходным языком, то для него будет непонятен вообще весь текст, с которым его хотят ознакомить, и тогда «элиминирование лакун» (термин лакунологов) в конкретном акте коммуникации сводится к переводу исходного текста на язык получателя. Для теории перевода это тривиальный набор исходных условий, формирующий предмет изучения, и в этом случае понятия *лакуна* или *лакунарность* не дают для такого изучения ничего нового.

Примерно то же самое переводоведы называют другими терминами – лингвоэтнический барьер (Л.К. Латышев, А.Л. Семёнов [14. С. 6]), когнитивный диссонанс (Г.Д. Воскобойник [8]).

Таким образом, **второе** отличие переводоведческого подхода к межъязыковым лакунам от культурологического заключается в том, что теория перевода не может исходить в их определении из критерия «непонятности или чуждости для реципиента» в силу размытости самого этого критерия, как и понятия «реципиент» в данном определении.

Теории перевода гораздо ближе другая, более узкая точка зрения на лакуны, разделяемая и некоторыми культурологами: это взгляд на лакуны как на «лексически не выраженные концепты», в такой же степени участвующие «в мыслительной деятельности народа, как и лексикализованные» [5. С. 22]. Если так, то об их непонятности и чуждости не может быть и речи.

Если считать *этнолингвистический барьер* и *когнитивный диссонанс* терминами, описывающими принципиально те же условия, что и *лакунарность*, то почему теоретики перевода не склонны к использованию последнего термина? Думается, что в этом термине заложена некая односторонность. Ведь лакунарность – оборотная сторона лексического своеобразия, эти два аспекта межъязыковых расхождений неразрывно связаны друг с другом.

Межъязыковая лакуна выявляется как пробел под проекцией, тенью лексикализованного концепта, отбрасываемой на иной лингвокультурный фон. Это некий вторичный феномен, обнаруживаемый в результате контрастивного анализа либо языковой интерференции, а не первичное и не системное языковое явление. Лакунология, по-видимому, в большей степени посвятила себя изучению этих проекций и теней, нежели тех объектов, которые их отбрасывают.

Такой подход имеет право на существование, но он не может быть органичным для науки о переводе. В силу самой векторности процесса перевода (переход от текста на исходном языке к тексту на языке адресата, а не наоборот) переводовед при изучении когнитивного диссонанса исходит не из того, чего в языке перевода **нет**, а из того, что **дано** переводчику в исходном языковом материале.

Переводя на русский язык текст с высокой лингвоэтнической или концептуальной спецификой, переводчик обратится к иностранно-русскому лингвострановедческому или терминологическому словарю, а вовсе не к словарю лакун русского языка (такой словарь, насколько известно, ещё не вышел, хотя работа над ним ведётся, например, благовещенскими культурологами [5. С. 22]). Иначе задача переводчика была бы очень похожа на то задание, которое дал царь стрельцу Федоту в известной стихотворной сказке Леонида Филатова (см. второй эпиграф к этой статье).

Следовательно, **третье отличие** переводоведческого подхода к межъязыковым лакунам от культурологического заключается в различном направлении векторов исследования. Для теории перевода обнаружение лакуны – один из возможных результатов поиска соответствий единицам исходного языка (ИЯ) в языке перевода (ПЯ). Культурология чаще всего работает с уже выявленными лакунами в принимающем языке (ПЯ), стремясь детализировать и систематизировать все те смысловые и ассоциативные пробелы, из которых такая лакуна складывается.

Четвёртое отличие переводоведческого подхода от культурологического заключается в том, что культурологи в большинстве своём разделяют мнение, согласно которому «все случаи безэквивалентной лексики можно рассматривать как примеры лакун» [15. С. 33]. В этом случае межъязыковая лакунарность приравнивается к безэквивалентности, а термины *лакуны* и *безэквивалентная лексика* употребляются как синонимы. Переводоведы же выделяют лакуны как одну из категорий безэквивалентной лексики (наряду с реалиями)¹.

Это противоречие может показаться чисто терминологическим, но между реалиями и случайными лакунами есть кардинальное отличие: реалия обозначает специфическое, экзотическое в этнокультурном отношении понятие или явление, а случайная лакуна соотносится с понятиями, отнюдь не выпадающими из привычного опыта носителей переводящего языка (ПЯ). Другими словами, носители ПЯ вполне способны оперировать лакунарными (нелексикализованными) понятийными комплексами, тогда как понятия, стоящие за иноязычными реалиями, обычно в их концептосферу не входят. Такая позиция согласуется с концепцией невербальности мышления, восходящей к теории Л.С. Выготского [9] и находящей дальнейшее подтверждение в современных психолингвистических исследованиях [24].

Это различие между двумя видами безэквивалентной лексики требует и различной стратегии подбора соответствий для них при переводе, поэтому у теории перевода есть все основания отграничивать лакуны от реалий.

Пятое отличие подходов переводоведения и культурологии проявляется в их трактовке эквивалентности. Точнее говоря, культурологи вообще избегают явного определения этого понятия в контексте контрастивных исследований, предпочитая говорить о «безэквивалентности». Например, в монографии Г.В. Быковой, посвящённой лакунам [3], многие десятки раз используются термины *безэквивалентность* и *безэквивалентный*; в то же время на без малого трёхстах страницах термин *эквивалентность* встречается лишь три раза: два раза – в составе сочетания *неполная эквивалентность* и один раз – в сочетании *векторная эквивалентность*, оказавшемся в цитируемом фрагменте из книги Л.С. Бархударова.

При этом в культурологических исследованиях *безэквивалентность*, *неполная эквивалентность* и *лакунарность* используются практически как синонимы. Как пишет Г.В. Быкова, «в результате неполной эквивалентности денотативных семем разных языков и возникает такое явление, как лакуна: отсутствие в одном из сопоставляемых языков наименования того или иного понятия, имеющегося в другом языке» [3. С. 33].

То, что культурологи вкладывают в понятие эквивалентности, приходится логически выводить из их понимания безэквивалентности (неполной эквивалентности). И получается, что под эквивалентностью в лакунологии подразумевается полная идентичность плана содержания, присущего слову ИЯ и слову ПЯ. При этом в план содержания включается не только лексикографическое (словарное) значение, но и психолингвистическое значение слова, а часто и соотносимый с этим словом концепт как часть языковой картины мира (согласно классификации видов значения, предложенной И.А. Стерниним [23]).

В этом случае лакунарность равносильна отсутствию абсолютного эквивалента-однослова на системном уровне языка. Однако переводчикам хорошо известно, что «случаи полного совпадения (соответствия) лексических единиц разных языков во всём объёме их значения относительно редки» [17. С. 111].

Отсюда следует вывод: если понимать безэквивалентную лексику (лакуны) как слова и фразеологизмы, не имеющие постоянных, не зависящих от контекста эквивалентов в языке перевода, а под эквивалентностью подразумевать полное тождество в плане содержания (семантика, коннотация, фон) между единицами двух языков, то тогда, как справедливо отмечают С. Влахов и С. Флорин, «БЭЛ окажется совершенно необъятной группой слов (и словосочетаний), практически включающей чуть ли не всю лексику (и часть фразеологии) данного языка» [6. С. 55]. Нетрудно увидеть, пишут болгарские лингвисты, что «такой необозримый материал не может ни для теории, ни для практики перевода служить источником исследований или опыта. Чтобы добиться практического решения, идеальный “логический” критерий (эквивалентный = равнозначный, тождественный) придётся... модифицировать» [6. С. 56].

Перевод высказывания, требующий использования лишь тождественных по содержанию единиц, сводился бы к простой подстановке слов и словосочетаний ПЯ вместо слов и словосочетаний ИЯ. Глубокой теории для такой подстановки не требуется. Естественно, что теория перевода уделяет основное внимание исследованию эквивалентности текстов в условиях неизменно присутствующих межъязыковых расхождений (если угодно – в условиях лакунарности). Наличие таких расхождений для переводчика – данность, которая может быть вынесена за скобки. В этом, вероятно, кроется ещё одна из причин того, что понятия лакуны и лакунарности в только что изложенной трактовке пользуются слабой популярностью у переводоведов.

В отличие от культурологов, переводоведов интересует эквивалентность не столько отдельных единиц, сколько текстов, и не столько в языке-системе, сколько в речи, ибо перевод как процесс есть порождение речевого произнесения. Как известно, теория перевода во многом зиждется на концепции эквивалентности текстов. По В.Н. Комиссарову, такая эквивалентность может устанавливаться на различных уровнях, а её достижение предполагает – упрощённо говоря – некое ранжирование компонентов формы и содержания текста по функциональной значимости (релевантности) и выделение на этой основе тех ком-

понентов, которые обязательно следует выразить в переводе – при необходимости даже за счет других компонентов, которые будут отсеяны как нерелевантные.

Приведу простой пример, который не отражает всю глубину проблемы, но достаточно нагляден. Английское существительное *show* многозначно, но во всех значениях, в том числе “представление, шоу” оно сохраняет этимологическую связь с первичным значением “показ, демонстрация, визуальное предъявление”. Однако можно утверждать, что, например, в сочетании *TV show (телепередача)* ассоциация с понятием визуальной демонстрации, как это ни парадоксально на первый взгляд, является нерелевантной. В противном случае было бы невозможным существование полностью аналогичного словосочетания *radio show (радиопередача)*: в нём смысловой элемент “показ” не просто нерелевантен, а полностью утрачен, так как противоречил бы всякой логике – ведь по радио ничего нельзя показать. Соответственно, поиску переводного эквивалента для этого выражения абсолютно противопоказаны всякие попытки воспроизвести ту сему визуального предъявления, которая содержится в виртуальном языковом значении слова *show*, взятого вне контекста.

Для иллюстрации разницы в подходах можно также взять популярную у культурологов тему цветовых обозначений. Так, Ю.А. Сорокин приводит польское прилагательное *amarantowy* как пример цветообозначения, «не имеющего адекватного соответствия» в русском языке (какой смысл при этом вкладывается в термин *адекватный*, не уточняется, но, скорее всего, речь идёт о полной идентичности виртуального языкового значения) [22. С. 4]. Словарные аналоги *темно-розовый, цикламеновый, малиновый* не признаются эквивалентными польскому слову, так как для него и для каждого из русских терминов характерны свои коннотации и «микрооттенки», отличные от других, что связывается, видимо, прежде всего с этимологической отсылкой к различным цветочным растениям – амаранту, розе, цикламену и малине.

Переводчик же ни в коем случае не сочтёт слово *amarantowy* безэквивалентным словом (лакуной). Даже если забыть об устаревшем прилагательном *амарантовый*, есть немало способов обозначить по-русски соответствующий диапазон цветовых оттенков, включая как перечисленные выше, так и другие термины (*багряный, пунцовый, карминный, бордовый* и др.). Выбор конкретного эквивалента в соответствии с точным оттенком цвета, который имеет в виду отправитель, будет определяться контекстом и, возможно, невербальными компонентами самой ситуации перевода (особенно визуальными, например, в ситуации устного перевода или при переводе фильмов).

Итак, если в переводимом контексте коннотации, «микрооттенки» и этимологические ассоциации (внутренняя форма) слова не актуализируются, они признаются переводчиком нерелевантными. Их утрата при переводе не ведёт к искажению смысла высказывания и не вызывает, вопреки мнению Ю.А. Сорокина, никаких «сбоев в межперсональном и межтекстовом общении» [22. С. 5].

Исключение составляет, конечно, поэтический перевод, но в поэзии и некоторых видах художественной прозы релевантными можно считать вообще все аспекты психолингвистического и концептуального значения слова (не говоря уже об аспектах формы). Поэт способен употребить слово в виртуальном значении, то есть во всех значениях сразу, но перевод поэзии – особый вид перевода, в котором эквивалентность (если она вообще достижима) устанавливается обычно на иных уровнях, чем уровень языковых знаков.

В практической, естественной коммуникации слова, как правило, не употребляются виртуально. Думается, что и для культурологии поэтическая форма коммуникации – не главный объект внимания, так как эту науку должны интересовать не особенности индивидуального самовыражения, а некий коллективный опыт и узус. Поэтому вопрос об эквивалентности и лакунарности в поэтическом переводе я оставляю за рамками настоящей статьи.

Общий подход переводоведов к эквивалентности можно выразить словами А.Д. Швейцера: «Отсутствие того или иного элемента в лексической системе одного из языков

не является препятствием для переводимости – ведь перевод осуществляется не на уровне отдельных языковых единиц, а на уровне смысла высказывания и смысла текста» [27. С. 126].

Мы увидели, что между наиболее распространёнными подходами к трактовке лакун в теории перевода и сопоставительной культурологии существует по меньшей мере пять отличий: 1) в границах понятия «лакуна»; 2) в уместности критерия «непонятности» или «чуждости» для её определения; 3) в различном направлении векторов исследования; 4) в разграничении лакун и реалий; 5) в трактовке эквивалентности.

Переводоведы сопоставляют слова иначе, чем культурологи. Однако простая констатация этого факта не может нас удовлетворить. Имеет смысл подробнее вникнуть в то, насколько последовательна трактовка лакун в самом переводоведении.

Лакуна-парк

Вернёмся к тезисам Л.С. Бархударова, который определил случайные лакуны как единицы словаря, не являющиеся реалиями, но не имеющие по каким-то, не всегда понятным, причинам соответствий (в виде слов или устойчивых словосочетаний) в лексическом составе другого языка. Это определение оставляет открытыми некоторые вопросы, и я постараюсь их сформулировать.

Первый вопрос связан с критерием отсутствия однословного (или фразеологического) эквивалента.

Обсудим классический пример случайной лакуны по Бархударову – слово *сутки*. А лакуна ли это на самом деле? Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что при переводе это слово во многих случаях передаётся однословно как *day*. В любом толковом словаре английского языка отмечено, что одно из значений слова *day* – “период в 24 часа”. Приведу пример, в котором *day* имеет именно такое значение:

“You need your rest. You haven't slept in over a day.” – «Тебе надо отдохнуть. Ты не спал больше суток».

Это реплика из разговора двух друзей, взятая из современного американского кинофильма². Интересно в этом примере то, что слово *day* здесь не может иметь иного значения, чем «сутки»: говорить о том, что кому-то нужен отдых, потому что он не спал «целый день», было бы весьма странно – днём людям, как правило, и не требуется спать.

В силу наличия такого значения у слова *day* предложение *Он пробыл там трое суток* вполне адекватно переводится фразой *He stayed there for three days*. В некоторых контекстах (например, гостиничном деле) *сутки* переводятся, наоборот, словом *night* (“ночь”): *заказать номер на трое суток* – *reserve a room for three nights*. Значит, даже если иметь в виду однословные соответствия, нельзя говорить о полном отсутствии таковых у слова *сутки* – как на речевом, так и на языковом уровнях.

Далее, из определения Л.С. Бархударова следует, что к лакунам не относятся те слова, которые допускают соответствия в виде устойчивых словосочетаний. Но являются ли выражения *24 hours* и *day and night* свободными, а не устойчивыми сочетаниями? Я не уверен, что на этот вопрос следует отвечать утвердительно. Ведь, на мой взгляд, любой взрослый носитель языка понимает выражение *twenty-four hours* не просто как отрезок времени длительностью в некоторое количество часов, а ассоциирует его с полным суточным циклом, с периодом времени, который заканчивается на другой день в тот же час, в который он начался. Смысл этого словосочетания не равен механической сумме значений входящих в него слов, а потому есть основания считать его как минимум устойчивым, а может быть, и фразеологическим выражением. Не случайно оно в наши дни породило ещё один фразеологизм – *twenty-four by seven*, обычно в записи *24/7* (“двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю”, “круглосуточно и без выходных”).

Теперь отвлечёмся от этого примера и зададимся вопросом: насколько существен для определения лакун признак неоднословности эквивалента? Легко представить себе

случаи, когда одно и то же понятие может быть выражено как одним словом, так и свободным словосочетанием без каких-либо либо смысловых и стилистических отличий. Возьмём, например, русское прилагательное *немаловажный*: почти в любом контексте его можно заменить на словосочетание *довольно важный, весьма важный* и т.п. Число словоформ, служащих для обозначения какого-либо понятия в сообщении, и отличие этого числа от единицы не играет в общем случае существенной роли для достижения целей коммуникации (если, конечно, оно не переходит за некую разумную границу смысловой избыточности, выливаясь либо в намеренное, либо в неоправданное многословие).

Тот же принцип действует и в переводе: *немаловажный* обычно переводится на английский язык сочетаниями *not unimportant, of no little importance/consequence*. Означает ли это, что *немаловажный* – лакуна для английского языка? Вопрос дискуссионный, но интуиция переводчика подсказывает отрицательный ответ на этот вопрос. Можно даже не углубляться в обсуждение того, может ли слово *немаловажный* эквивалентно передаваться (в каких-то контекстах) однословным английским соответствием *important (важный)*. Однако то, что более «точное» соответствие *of no little importance* состоит не из одного слова, а из четырёхсловного сочетания, никак не свидетельствует, на мой взгляд, о «безэквивалентности» русского прилагательного.

Сама словесная оформленность означаемого весьма условна. В немецком языке, к примеру, сложные существительные зачастую поддаются передаче в других языках лишь словосочетаниями и формально должны бы считаться лакунами, например *Sicherheitspersonal* – *персонал службы безопасности*, *Ballonflug* – *полёт на воздушном шаре*, *Neujahrsmorgen* – *утро Нового года*³. Однако мы знаем, что подобные существительные зачастую окказиональны, и смысловая связь между их составными частями бывает не более тесная, чем между компонентами словосочетаний в других языках. Такова одна из особенностей словообразовательной системы немецкого языка. То, что иноязычные аналоги подобных слов, как правило, не однословны, обусловлено не пробелами в лексическом выражении соответствующих концептов в ПЯ, а тем, что сами исходные немецкие лексемы нежёстко «слеплены» из двух или более понятий, имеющих в лексиконе и самостоятельное словесное оформление.

Обсуждая критерий однословности эквивалента, задумаемся: а в чём его сакральность? Предположим, некое понятие, обозначаемое одним словом в ИЯ, исчерпывающе покрывается двумя словами в ПЯ. Проиллюстрируем такую ситуацию примером: *Правительство добилося судебного запрета на это мероприятие*. – *The government sought and obtained a restraining order*.

Понятие, обозначаемое глаголом *добиться*, фактически складывается из двух слов – “запросить” и “получить”. Использование двух глаголов, обозначающих эти действия, с сочинительным союзом позволяет получить эквивалентное соответствие. Оно не однословно и не является фразеологизмом – ну и, как говорится, что из этого? Насколько рационализируется в данном и аналогичных случаях труд переводчика, если он будет способен оперировать понятием лакуны? Это пока трудно сказать.

Второй вопрос, осложняющий чёткое определение лакуны, – это вопрос о существовании так называемых лакун *par excellence*, или «грамматических» лакун, отмечаемых некоторыми авторами (В.Л. Муравьев [18. С. 8–9], В.Г. Гак, А.Д. Швейцер). Речь идёт о словах со словообразовательными морфемами, вносящими дополнительные семы или оттенки значения в значение корневых морфем. Примерами могут служить большое число русских глаголов и существительных с префиксами *за-, до-, пере-, недо-, с-, под-* (*засобирается, доедать, перемыть, недобирать, съезжаться, подползть*), сложные слова с компонентом *одно-* (*однолюб, однополчанин*), отадъективные глаголы (*белеть, чернеть, синеть*).

Причислить такие слова к категории случайных лакун по Бархударову мешает именно их неслучайность. Они образуются регулярным образом по продуктивным словообразовательным моделям. Лакунарность возникает здесь не в силу различной лексической

номинации концептов, а из-за расхождения морфологических и словообразовательных систем двух языков, то есть не вполне на лексическом уровне.

Можно ли говорить о лакунах среди морфем? Да и имеет ли это смысл? Да, переводоведы говорят о том, что иногда эквивалентность некоторых отрезков текста при переводе устанавливается на морфемном уровне. При этом имеется в виду, что вычленяемые компоненты смысла, выражаемые морфемами в ИЯ, удаётся в ряде случаев передавать в ПЯ также морфемами (пример: *Scalability* is a desirable property of a system – Желательным свойством системы является *масштабируемость*). Но всё-таки морфемы как таковые в различных языках принципиально нельзя ставить в отношения эквивалентности – они обладают более абстрактным типом значения, чем слова, и это значение отнюдь не всегда поддаётся семантизации. А следовательно, нельзя говорить и о безэквивалентности (лакунарности) морфем.

Установив, что не всякий тип значения языковых единиц можно рассматривать в аспекте лакунарности, логично задаться и **третьим вопросом**, существенным для определения лакун: о соотношении лакунарности и коннотативности. Коннотацию будем здесь понимать традиционно – как дополнительные к денотативному содержанию слова семантические или стилистические (экспрессивные, эмоционально-оценочные) оттенки его значения.

С. Влахов и С. Флорин считают, что случайные лакуны (в их терминологии – «БЭЛ в узком смысле слова») лишены коннотации [6. С. 57]. Эта точка зрения противоречит большинству культурологических концепций, в которых обычно значительное внимание уделяется «коннотативным лакунам» (словам с эмоциональной или оценочной семой в содержании слова, выявляемой при сопоставлении с единицей другого языка) [3. С. 46].

Однако мнение о том, что лакуны выявляются среди коннотативных слов, разделяют и некоторые переводоведы. Здесь уместно вернуться к упоминавшимся выше примерам А.Д. Швейцера: *безобразник, чудак (чудачка)* – это коннотативные слова, в содержании которых эмоционально-оценочное значение даже превалирует. А.Д. Швейцер показывает, что высказывания, содержащие коннотативные слова, вполне поддаются адекватному переводу. Основой для достижения эквивалентности в таких случаях является, конечно, поиск средств выражения коннотативного значения.

Лакунарность в сфере коннотативного значения – вопрос весьма дискуссионный. Можно привести доводы в пользу как одной, так и другой точки зрения. Начнём с аргументов в пользу коннотативных лакун.

Культурологи любят сравнивать коннотации и ассоциации, присущие в разных языках названиям животных. Рядом специалистов разработаны и используются тесты с целью сопоставительного анализа зооморфных характеристик слов в разных языках. Ими установлено, например, что *rat* (*крыса*) как коннотативное слово во французском языке ассоциируется с признаком *скупой*, а в английском языке – с понятиями *доносчик, предатель, подлый, грязный, нечестный, действующий исподтишка*. Русское слово *крыса* этими коннотациями не обладает, что даёт исследователям основание говорить о глубокой ассоциативной лакуне в русском языке сравнительно с английским [3. С. 211–212].

Для перевода подобные различия могут создавать значительные проблемы. Вспомним ситуацию, возникшую во время визита в Россию британского премьер-министра Тони Блэра в марте 2000 г. Рассказывая ему о борьбе с террористами, президент В.В. Путин, в частности, сказал:

«Представьте себе логово бандитов. Над входом в логово висит надпись: “Аллах – над нами, козлы – под нами”. Козлы – это все мы».

Дословная передача переводчиком содержания надписи (...the goats are under us) не была понята адресатом в силу отсутствия у слова *goat* того же ассоциативного значения, что и у русского слова *козёл*.

Можно трактовать подобные случаи как коннотативные лакуны. Однако можно видеть здесь просто наличие второго, экспрессивно-оценочного значения у существительно-

го, которое актуализируется в контексте одновременно с первым. То есть мы имеем дело не с лакунарностью, а с явлением другого порядка – полисемией, положенной в основу стилистического приёма (игры слов). А, как уже отмечалось, совпадение всех значений у полисемичных слов разных языков – явление столь редкое, что разговор о лакунах в таких случаях теряет смысл.

Приведу ещё один пример из кинофильма, на сей раз российского⁴. По сюжету фильма английский артист-кукольник общается через переводчицу с группой молодых российских артистов. Его первая реплика “Hi, gang!” получает такой перевод: «Привет, ребята!». Камера показывает крупным планом одного из слушателей, который с видом знатока вполголоса говорит своей соседке: «А ведь она неправильно перевела. Он сказал: “Привет, тусовка!”».

Этот эпизод может вызвать у профессионального переводчика только улыбку. Реплика «знатока» основана на подсознательном убеждении, что каждому иноязычному слову – неважно, денотативному или коннотативному – должно соответствовать какое-то одно жёсткое, независимое от контекста соответствие по-русски. Это, конечно, заблуждение, как и мнение, что *тусовка* – якобы более точный эквивалент для *gang*, чем *ребята*. Коннотативные слова ещё хуже, чем денотативные, поддаются выстраиванию во взаимно-однозначные соответствия. Каждый язык пользуется целым арсеналом средств для выражения той или иной эмотивной или оценочной семы либо комплексов сем. Выбор того или иного средства при общении (а также и при переводе) согласуется с коммуникативной ситуацией, контекстом и общей стилистикой исходного текста. В некоторых случаях коннотативные обертона и оттенки передаются на основе компенсации или даже супрасегментно (например, в ситуации устного перевода – с помощью интонации).

Соединить в однословном соответствии передачу денотативного и коннотативного значений слова так же сложно, как и два различных значения одновременно (о чём шла речь выше). Иногда это удаётся, но выполнение такой задачи никак не является обязательным условием достижения эквивалентности.

Итак, для корректного определения случайных лакун необходимо уточнить по меньшей мере три вопроса: 1) в каких пределах (с какими ограничениями) применим критерий отсутствия однословного или фразеологического эквивалента; 2) вопрос о существовании лакун *par excellence*, т.е. образованных по специфическим для ИЯ регулярным моделям словообразования; 3) насколько понятие лакуны применимо к коннотативным словам.

Эта статья лишь указывает на эти вопросы, но не ставит своей целью ответить на них. В этом видится задача для дальнейших исследований. Причём, если не удастся ответить на эти вопросы, исходя из общетеоретических аргументов, имеет смысл занять более прагматичную позицию и решить, какие из вариантов ответа на них лучше отвечают конкретным задачам переводоведения и обучения переводу.

Лакуна в сетке

Если исходить из того, что концепция случайных лакун может играть полезную роль в теории перевода, то она нуждается в дальнейшем развитии и уточнении. Но по сравнению с дефиницией Л.С. Бархударова и того, что написали другие разработчики теории перевода в 70-х годах прошлого века, никто из переводоведов не сделал в этом направлении ни шага вперёд. В тех немногих современных учебниках по теории перевода, где что-то говорится о случайных лакунах, в основном повторяются одни и те же старые примеры из работ основоположников.

Концепцию случайных лакун можно развивать и уточнять, но никто пока ещё не разъяснил оснований для того, чтобы вводить это понятие в научный аппарат теории перевода. Между тем для ограниченного круга лексических лакун такие основания могут быть найдены.

Для дальнейших рассуждений нам понадобится прибегнуть к терминам *тема* и *тематическая сетка* текста. Вслед за И.В. Арнольд в качестве базы для понимания этих терминов возьмём определение В.И. Даля: «Тема – положение, задача, о коей рассуждают или которую разъясняют», а тематическую сетку текста будем понимать как структуру смыслов (и, следовательно, слов) текста, имеющих особо важное информационное значение для раскрытия темы и связанных парадигматическими, синтагматическими и межуровневыми отношениями внутри этого текста. Элементы тематической сетки (которые в дальнейшем именуется также тематическими элементами), как отмечала И.В. Арнольд, тесно связаны с референтами и часто подчеркиваются повтором [1. С. 3–11].

Включённость слов в тематическую сетку предъявляет дополнительные требования к поискам соответствий для них при переводе. Проиллюстрируем эту мысль примером – снова высказыванием В.В. Путина, взятым на сей раз из его выступления на открытии Всемирного экономического форума в Давосе (Швейцария) 28 января 2009 г.:

«Представления о самочувствии мировой экономики и реальном состоянии корпораций не должны находиться в плену **иллюзий**, даже если эти **иллюзионисты** – крупные аналитические и аудиторские бюро».

Слова *иллюзии* и *иллюзионисты*, использованные в этом заявлении, образуют фрагмент тематической сетки текста, связующую «нить» которого создаёт повтор корневой морфемы. Единство корня не только обеспечивает смысловую связь двух единиц, но и имеет определённое экспрессивное значение. Перевод фразы на английский язык осложняется тем, что словарные английские соответствия этим словам (*illusions* и *magicians*) не являются однокоренными, а второе из этих слов без связи с первым выпало бы из тематической сетки текста; его употребление сделало бы английский перевод бессмысленным.

Если обратиться к официальному английскому переводу рассматриваемого фрагмента речи В.В. Путина –

“We must not harbour any illusions while **assessing** the state of the global economy and the real corporate standing, even if such **assessments** are made by major auditors and analysts.”

– то мы увидим, что прямым соответствием слову *иллюзионисты* в переводе пришлось пожертвовать, а тематическая сетка переводного текста создана на основе повтора иных его элементов (*assessing* – *assessment*). С точки зрения теории перевода, это вполне закономерный подход, хотя в данном случае он и сопряжён с утратой экспрессивности оригинала (вопрос о том, насколько такая утрата существенна и может ли она быть компенсирована, оставлю открытым – это уведёт нас слишком далеко от темы статьи).

Теперь, проиллюстрировав значение тематической сетки текста для перевода, вернёмся к проблеме случайных лакун.

Представим себе множество всех переведённых или подлежащих переводу текстов на некоем исходном языке (ИЯ), в которых имеются слова, являющиеся случайными лакунами по отношению к языку перевода (ПЯ). Условно разобьём это множество на два подмножества. В первое подмножество (назовём его группой А) включим те тексты, в смысловой структуре которых слова-лакуны не являются элементами тематической сетки. Это значит, что обозначаемые ими смыслы не являются предметом сообщения или рассуждения *per se*, они не используются и не воспринимаются как опорные информационные элементы, которыми автор оперирует для развития темы текста. Обычно такие слова являются частными элементами описания некоторой ситуации и используются лишь в рамках короткого отрезка текста (одного предложения).

Тот факт, что слово-лакуна не входит в тематическую сетку текста, облегчает задачу переводчика, поскольку ему не нужно строить перевод с учётом разнообразных внутритекстовых связей. За такой лакуной не стоит референт, обязательно требующий обособленной номинации в переводе; как правило, она (лакуна) не возникает в тексте повторно. Переводчик свободен воспользоваться любым средством из арсенала способов достижения эквивалентности сообщения и в полной мере реализовать принцип Л.С. Бархударова:

«Отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка» [2. С. 97].

Релевантный контекстуально-ситуативный смысл и стилистические характеристики слова-лакуны можно передать в таких случаях посредством описательного перевода, аналога, переводческой трансформации и другими способами. Более того, эквивалентный перевод этого отрезка может быть осуществлён вообще без какого-либо отдельного лексического соответствия лакунарному слову – на уровне сообщения, способа описания ситуации или общей цели коммуникации.

Приведу конкретный пример случайной лакуны из текста группы А, т.е. лакуны, не являющейся элементом тематической сетки. Рассмотрим следующий отрывок из коммерческого договора на английском языке:

The following **conventions** shall be used in this Agreement, unless there are direct indications to the contrary following from the context: (a) references to articles and paragraphs are references to the articles and paragraphs of this Agreement; (b) references to the Parties are references to the Lender and the Company.

В приведённом фрагменте слово *convention* – случайная лакуна. Для его передачи не подходит ни одно из словарных соответствий (*собрание, съезд, соглашение, договорённость, конвенция, обычай, традиция, условный знак, правило поведения*). Здесь оно используется в значении “правило толкования тех или иных формулировок договора”. Такие правила, конечно, применяются и в нашей договорной традиции, но в русском деловом языке этот концепт не имеет специального лексического обозначения. Поэтому в соответствии с русским узусом и имея в виду, что *convention* не является тематическим элементом текста, можно перевести этот параграф без лексикализации лакуны:

В настоящем Договоре, если иное прямо не следует из контекста: (а) ссылки на статьи и пункты являются ссылками на статьи и пункты настоящего Договора; (б) под «Сторонами» подразумеваются Кредитор и Компания.

По отношению к лакунам эквивалентность перевода текстов группы А может быть обеспечена эквивалентным переводом каждого отдельного контекста этих лакун – обычно одного предложения. То есть при решении вопроса о том, что подлежит передаче, переводчику нет необходимости выходить далеко за рамки предложения. Если одно и то же слово-лакуна, не являющееся элементом тематической сетки, встречается неоднократно в разных местах одного текста или в нескольких различных текстах группы А, то каждый раз это слово ИЯ может передаваться по-разному. Как показывает приведённый пример, в некоторых предложениях у него может не оказаться вообще никакого прямого соответствия в виде отдельной лексической либо морфологической единицы или сочетания единиц.

Если бы теория перевода занималась только текстами группы А, нужды в использовании понятия и термина *случайная лакуна* не было бы. Между тем именно на текстах группы А (а часто и не на текстах, а просто на наборах изолированных предложений) и начинают обучать и тренировать переводчиков. С одной стороны, они проще для перевода, потому что позволяют отвлечься от широких внутритекстуальных связей слова и сосредоточиться на передаче достаточно узкого контекста. С другой стороны, они дают переводчику возможность использовать более широкий арсенал приёмов, что имеет дидактическую ценность. В том, что лакунарность слов для таких текстов незначима, очевидно, и заключается главная причина того, почему авторы учебной литературы по переводу не оперируют понятием лакуны.

Теперь обратимся ко второму подмножеству текстов (назовём его группой Б). К нему отнесём те тексты, в которых слова-лакуны являются элементами тематической сетки. Являясь важными информационными центрами текста, они чаще всего (хотя и необязательно) встречаются неоднократно на протяжении текста или его значительной части.

Принадлежность лакун к тематической сетке текстов группы Б означает, что если в различных предложениях (частях) текста лакунарный смысл передавать различными спо-

собами, то это нарушит эквивалентность перевода текста в целом. Это такие тексты, в которых словам-лакунам, употребляемым неоднократно, требуются **одинаковые** соответствия (или по крайней мере соответствия, построенные на базе какого-то единообразного подхода) на протяжении всего текста, а не в рамках одного предложения. Только в этом случае можно говорить о том, что лакунарность **значима** и тем самым представляет собой особую проблему для перевода этих предложений.

Например, существуют тексты о принципах составления деловых документов, в которых слово *convention* в значении, близком к упомянутому выше, является тематическим элементом. Вот фрагмент из подобного текста:

This document defines the procedure by which particular formats, called profiles, can be defined and registered, and the **conventions** such formats must follow.

В таких случаях вариант перевода, при котором это слово не получит в каком-то из контекстов оформленного лексического соответствия по-русски, нельзя считать эквивалентным. Задача переводчика осложнена тем, что эта ситуация значительно сужает арсенал тех приёмов, которые остаются у него в распоряжении: он не может семантически «переразложить» лакунарный концепт или «уйти» на уровень иного способа описания ситуации, а обязан подыскивать соответствие на уровне языковых знаков, например с помощью короткого описательного словосочетания:

В настоящем документе излагается процедура определения и регистрации отдельных форматов, именуемых профилями, а также **правила оформления**, которым эти форматы должны отвечать.

Бабушка рядышком с дедушкой

Какого же рода тексты входят в группу Б? По всей видимости, это тексты, в которых слова-лакуны используются в некоторой **системе** или **полевой совокупности** лексических средств. Такие системы бывают как минимум двух типов: экспрессивные и терминологические.

Системы экспрессивных лексических средств используются в текстах, где превалирует воздействующая функция (художественно-поэтических, риторических, публицистических). Чтобы читателю стало ясно, какую системную роль играют в таких текстах лакуны, приведу в пример знаменитый рефрен *Nevermore!* из поэмы Эдгара По «Ворон». Поскольку смысл этого наречия поддаётся переводу на русский язык не одним словом, а словосочетаниями (*никогда больше, никогда впредь, впредь уж не..., чтоб ещё хоть раз – да ни за что!*), его с успехом можно считать случайной лакуной. Если бы поэма «Ворон» принадлежала к условной группе текстов А, то *Nevermore!* в каждой строфе теоретически можно было бы передавать по-разному – тем более что это слово является каждый раз ответом ворона на новый, отличный от прежнего вопрос лирического героя. Но дело, конечно, обстоит иначе: в этом произведении повтор слова *nevermore* – одно из главных средств воздействия на читателя, поэтому в переводе для него необходим столь же устойчиво повторяющийся эквивалент. Система экспрессивных средств художественного текста бывает и намного сложнее, чем в данной поэме, однако – решив оставить поэтический перевод за рамками этой статьи – не буду развивать эту тему дальше. Отмечу лишь, что она представляет вполне определённый интерес для теории художественного перевода.

Второй тип текстов группы Б – это специальные научные, технические, дипломатические, юридические и тому подобные тексты, в которых в явном или неявном виде используются терминологические и полевые лексические системы.

Слова-лакуны можно выявлять при сопоставлении лексических систем и лексико-семантических полей ИЯ и ПЯ (при этом, как показала И.В. Арнольд, существует тесная взаимосвязь между лексико-семантическими полями и тематическими сетками). Вот для примера участок «сетки» терминов родства в английском и русском языках:

<i>Некоторые термины родства в английском и русском языках</i>		
<i>Лицо мужского пола</i>	<i>Лицо женского пола</i>	<i>Коллективное обозначение</i>
grandson – внук	granddaughter – внучка	grandchildren – внуки
son – сын	daughter – дочь	children – дети
brother – брат	sister – сестра	siblings – ∅
father – отец	mother – мать	parents – родители
grandfather – дед(ушка)	grandmother – бабушка	grandparents – ∅

«Наложение» английской сетки терминов родства на русскую выявляет в русском языке лакуны (обозначены в таблице символом ∅) в коллективном обозначении разнополых представителей одного поколения: братьев вместе с сёстрами, дедушки вместе с бабушкой.

При этом, если, скажем, английское слово *grandparents* встречается в тексте группы А, его лакунарность не имеет большого значения для перевода. Соответствия этому слову могут варьироваться переводчиком: *бабушка и дедушка, дед и бабка, родители отца, родители матери*. Другое дело, если мы имеем дело с текстом группы Б, например юридическим нормативным документом о правах наследования родственников. В таком тексте слово *grandparents* – термин и должно передаваться одним постоянным соответствием в любых фрагментах текста.

Подбор такого постоянного эквивалента может вылиться в серьёзные проблемы для переводчика. В одних случаях соответствие для какой-то лакуны на основе описательного перевода может оказаться слишком многословным, чтобы служить термином. В других случаях затруднения может вызвать лексико-грамматическая категориальность слова. Лакуны могут выявляться при сопоставлении частеречных систем. Проиллюстрируем это в таблице на примере слова *inferiority*, трудность передачи которого обсуждал ещё Я.И. Рецкер:

<i>Признак</i>	<i>Предикация признака</i>	<i>Состояние</i>
superior – превосходящий	be superior – превосходить	superiority – превосходство
inferior – уступающий	be inferior – уступать	inferiority – ∅

В тексте группы А понятие, выражаемое словом *inferiority*, можно было бы передать многими разными способами: описательным переводом, путём грамматической трансформации (например, с помощью иной части речи) или иными методами. Однако можно представить себе текст группы Б, в котором слово *inferiority* терминологизировано, – например, некий труд в области военной науки с анализом факторов баланса сил противоборствующих сторон. В этих условиях переводчику нужно будет искать постоянный эквивалент, пользуясь гораздо более ограниченным кругом приёмов (например, соответствие на основе антонимического перевода: *inferiority of our troops – превосходство сил противника*).

Ещё одно важное требование, вытекающее из системности термина, – его самостоятельность, отдельность от других терминов. При попытках заполнить лакуны, связанные с освоением новых терминологических систем, переводчики иногда упускают это важное требование из вида. Проиллюстрируем это на примере терминов, относящихся к операционным системам в информационных технологиях.

В работе с элементами визуального интерфейса часто применяются англоязычные команды *copy, cut, paste*. В русифицированных версиях программ для этих терминов применяются соответствия: *копировать, вырезать, вставить*. Обратим внимание на последний термин (*paste*). Этим словом обозначается действие по внедрению в документ (файл) фрагмента из буфера обмена данными. На момент локализации в нашей стране первых

программ этот термин явно был случайной лакуной. Используемый русификаторами вариант *вставить*, хотя и передаёт значение термина, нельзя признать удачным, поскольку он совпадает с передачей другого термина – *insert*, применяемого в иных случаях (“вставить, включить в текст нечто новое”).

Итак, лакуна представляет интерес для переводоведения тогда, когда она терминологична и системна. С этим мы сталкиваемся в диаметрально противоположных, казалось бы, категориях текстов: художественно-поэтических, где слово-лакуна включается в систему образных средств автора, и специальных, где термины-лакуны встроены в понятийный аппарат аналитического, нормативного или учебного материала. В этом случае речь идёт о поиске для лакуны «контекстоустойчивого» эквивалента, и эта непростая задача, разумеется, представляет интерес для исследований.

В то же время мы, кажется, нашли причину, по которой концепция лакун мало интересовала авторов общих учебников по переводу в последние тридцать с лишним лет: для «мэйнстрима» информационных и повествовательных текстов (относящихся в основном к условной группе А), на которых в первую очередь обучают переводчиков, тема лакун неактуальна, поскольку при переводе таких текстов важнейшая дидактическая задача состоит не в поиске контекстнезависимых соответствий, а в комплексной передаче смысла сообщений, из которых выстроен текст.

Резюме

Подведу итоги. Как ни парадоксально, бурное развитие в нашей стране новой отрасли культурологии – лакунологии – не сопровождалось интенсивной разработкой данной темы в теории перевода. В подходах культурологов и переводоведов к понятию и термину *лакуна* есть немало серьёзных отличий. Однако после Л.С. Бархударова, давшего определение случайной лакуны, переводоведы не сделали ни шага вперёд. Целый ряд вопросов, касающихся критериев определения случайных лакун и их учёте при переводе, остаются открытыми.

Однако не всякая лакуна в тексте представляет интерес для переводоведения. Достижение эквивалентности в сообщении, где случайная лакуна употреблена однократно вне тематической сетки текста, не является задачей, в которую наличие лакуны вносит какую-то специфику. Случайная лакуна значима для перевода тогда, когда она входит в тематическую сетку текста, когда она системна и терминологична. Исследование этого феномена на основе сопоставительного изучения лексико-семантических полей и терминосистем – вот что может оказаться полезным и продуктивным для теории перевода и методики обучения переводу.

P.s. Раньше это называлось по-английски просто *summary*, а теперь – особенно в деловом языке – *executive summary*. Естественное русское соответствие для слова *executive* в этом сочетании как-то не подбирается. Кажется, опять лакуна...

Примечания

¹ Справедливости ради нужно отметить, что и среди культурологов некоторые авторы отделяют лакуны от реалий. См., например, [16].

² «Итан Мао» (Ethan Mao), режиссёр и автор сценария Квентин Ли (Quentin Lee), 2004 г.

³ Примеры позаимствованы из курса лекций М.Я. Цвиллинга.

⁴ «Плюс один», режиссёр О. Бычкова, авторы сценария Н. Гринштейн, О. Бычкова, 2008 г.

Ссылки на литературу

1. Арнольд И. В. Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста // Текст как объект комплексного анализа в вузе. – Л., 1984. – С. 3–11.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. – М., 1975.

3. Бреус Е.В. Курс перевода с английского языка на русский. – М., 2007.
4. Быкова Г.В. Лакунарность как категория лексической системологии. – Благовещенск, 2003.
5. Быкова Г.В., Пылаева О.Б. Словарь «несуществующих слов»: фантастика или реальность? // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. – Благовещенск, 2003. – С. 20–27.
6. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М., 2001.
7. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. – М., 1976; 2-е изд., 1980; 3-е изд., 2006. В настоящей статье ссылки на эту работу даются по 3-му изданию.
8. Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004.
9. Выготский Л.С. Мышление и речь: Собр. соч. в 6 тт. – М., 1982. – Т. 2, С. 354–358.
10. Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. – М., 2004.
11. Глазачева Н.Л. Лакуны и теория межкультурной коммуникации. // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. – Благовещенск, 2003.
12. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. – М., 1975.
13. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М., 1990.
14. Латышев Л.К., Семёнов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. – М., 2003.
15. Марковина И.Ю. Влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на понимание текста: дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982.
16. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика. – М., 2000.
17. Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. – М., 1996.
18. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975.
19. Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю. Основы общего и машинного перевода. – М., 1964.
20. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. – М., 1974; 2-е изд. (с дополнениями и комментариями Д.И. Ермоловича). – М., 2004. В настоящей статье ссылки на эту работу даются по 2-му изданию.
21. Рецкер Я.И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский. – М., 1978.
22. Сорокин Ю.А. Лакуны: еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сб. научн. тр. – Благовещенск, 2003.
23. Стернин И.А. Концепт и значение. – http://sternin.adeptis.ru/articles2_rus.html [электронный ресурс], 2007.
24. Стернин И.А., Попова З.Д. Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2002.
25. Фёдоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – Изд. 4-е. – М., 1983.
26. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. – М., 1973.
27. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. – М., 1988.
28. Lacunology. Studies in Intercultural Communication // Proceedings of the University of Vaasa. Tutkimuksia №196. Linguistics 31. – Vaasa, 1995.
29. Malblanc A. Stylistique comparée du français et de l'allemand. – Paris, 1961.
30. Vinay J.-P., Darbelnet J.. Stylistique comparée du français et de l'anglais. Méthode de traduction. – Paris, 1958; англ. перевод: J. Vinay, J. Darbelnet. Comparative Stylistics of French and English. / Trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. – Amsterdam/Philadelphia, 1995.